

Maxim Kells

Dreamcore

Do

you

believe

in your

dreams?

Maxim Kells

Dreamcore

<https://litres.ru/74198948>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они жили в крошечном домике при церкви Святого Михаила. Андрей и Кирилл — два брата, которые не знали своих родителей, но знали каждый уголок лесной полосы за храмом.

Всё изменилось в тот день, когда они наткнулись на стройку посреди леса. Экскаватор без людей, строительные леса, уходящие в небо, и табличка с надписью: «Парк развлечений "Шатёр"». А потом — сны. Золотые ворота, город в облаках, тени с красными глазами. И чувство, что за ними кто-то наблюдает.

Братья ещё не знают, что они — последняя надежда Дримкора. Что их отец был главой этого мира. И что Чёрный круг уже охотится за ними.

Присутствует нецензурная лексика.

Maxim Kells

Dreamcore

ХРАМ В ЛЕСОПОЛОСЕ.

(Содержит нецензурную лексику!)

Лесная полоса за церковью Святого Михаила всегда пахла мокрой корой и прелыми листьями — даже в разгар лета. Андрей знал здесь каждую тропинку, каждый поваленный ствол, каждое осиное гнездо, которое они с братом методично уничтожали прошлым июлем. Ему было шестнадцать, Кириллу — пятнадцать, и они жили в крошечном домике при храме уже семь лет — с тех пор, как их нашла пожилая настоятельница матушка Вера. — Ты опять опоздал, — сказал Кирилл, не оборачиваясь. Он сидел на корточках у ручья, опустив руку в воду. Андрей видел только его макушку — вечно взлохмаченную, с торчащими вихрами, которые не брал ни гребень, ни вода. Кирилл всегда выглядел так, будто только что встал с постели, даже если просыпался в пять утра. — Я за хлебом ходил, — соврал Андрей. На самом деле он курил за гаражами с пацанами из соседней пятиэтажки. Лёха сегодня принес новые кириешки, сказал, что «чисто хиповские», и Андрей, как дурак, поверил, на самом деле они просто были просрочены, мерзость та ещё. Полчаса он просто сидел на бетонном блоке и пялился в одну точку, слушая, как Лёха несет чушь про какую-то телку из параллельного класса. — А где хлеб? — Спросил Кирилл. Андрей хлопнул себя по карманам. Пусто. Он мысленно выругался.

— Забыл. — Ты забыл хлеб, — повторил Кирилл ровным голосом, и в этом голосе не было злости. Только усталость.

— Мы будем есть вчерашние пирожки? Матушка Вера уже ушла в город на исповедь, она вернется только завтра. — Пирожки — это круто, — Андрей плюхнулся на траву рядом с братом и заглянул в воду. Там, среди камней, мелькнул малек. — Слушай, Кирилл Я сегодня слышал кое-что странное. — Если ты про Лёху и его бредовые идеи — я знаю. Четвертый раз не собираюсь слушать этот бред. — Да нет! — Андрей стукнул кулаком по колену. — Я про лес. За храмом. Когда я шел обратно, я слышал звук. Как будто что-то большое двигается. И пахло гарью, но не от сигарет. Жжёной резиной и еще чем-то сладким, как от перегретого пластика. Кирилл наконец повернулся. Его глаза, карие, с необычной золотистой искоркой в радужке, внимательно смотрели на брата. Андрей всегда завидовал этому взгляду — будто Кирилл видел что-то, чего не видел никто другой. — Может, лесники? — предположил Кирилл, хотя голос его дрогнул. — Какие к черту лесники? — Андрей усмехнулся. — Я же говорил тебе: на прошлой неделе я видел экскаватор. Прямо в чаще, там, где тропинка к старому роднику. Он просто стоял. Без людей. Как будто его там оставили и забыли. Кирилл поднялся, отряхивая колени. Он был выше Андрея на полголовы, но худой, как жердь. В этом теле, казалось, не было ни капли силы, только острые локти и длинные пальцы, которыми он постоянно теребил край своей старой футболки. —

Пойдем посмотрим, — сказал Кирилл. — Чего? — На экскаватор. Пока не стемнело. Андрей хотел возразить, но что-то внутри остановило его. Он сам не понимал, чего боится: того звука? Того запаха? Или того, что Кирилл скажет ему, что всё это ерунда, а он просто дурак или наркоман? Нет. Кирилл никогда такого не говорил. Кирилл всегда верил ему на слово. Они пошли через лес молча. Тропинка, которую они знали с детства, стала шире — слишком широкой для прогулок. Кто-то прорубил здесь просеку. Андрей заметил свежие следы шин, глубоко вдавившиеся в мокрую землю. Грузовики. Большие. — Видишь? — Андрей ткнул пальцем в сторону, где между стволов сосен маячило что-то металлическое, неестественное. Они подошли ближе. Экскаватор стоял посреди поляны, заляпанный грязью и ржавчиной. Не новый — старый, советский, с облупившейся желтой краской. Но кабина была чистой, а на сиденье лежала куртка. — Кто-то работает, — прошептал Кирилл. — Здесь работает кто-то. — Да кому тут работать? — Андрей огляделся. — Тут даже электричества нет. Зачем сюда технику загонять? Они обошли экскаватор. Позади него, там, где раньше густой ельник скрывал небо, теперь стояла пустота. Деревья были спилены. Неаккуратно — как будто их рвали, выдирали с корнем. И в центре этой пустоты стояли строительные леса. Высокие, уходящие вверх, к хмурому вечернему небу. Они росли из земли, как скелет какого-то гигантского животного. — Что это? — выдохнул Андрей. Кирилл подошел ближе. На

одном из столбов, прибитая гвоздем, висела табличка. Белая, пластиковая, с аккуратными черными буквами: «ПАРК РАЗВЛЕЧЕНИЙ "ШАТЁР". ОТКРЫТИЕ — СКОРО». Андрей расхохотался. Громко, нервно, неестественно. — Парк? Тут? В лесу? Это шутка такая? Кто в здравом уме будет строить парк в лесной полосе, где даже дороги нормальной нет? — Тихо, — оборвал его Кирилл. Он смотрел на табличку, и его глаза из карих стали почти черными. Андрей знал этот взгляд. Так Кирилл смотрел только на иконы в храме, когда никто не видел. Как будто читал что-то невидимое. — Здесь что-то не так. — Естественно не так! Это же бредятина полная! — Нет, — Кирилл покачал головой. — Я не про это. Я про запах. Андрей принюхался. И правда — тот самый сладкий, приторный запах, как от перегретого пластика, смешанный с гарью. Он доносился из-за строительных лесов, оттуда, где еще не залили бетон, где чернели ямы и траншеи. — Пойдём отсюда, — сказал Андрей, схватив брата за руку. — Пойдем, Кирилл. Это не наше дело. — Но это наш лес, — возразил Кирилл, но шагнул назад. Он был послушным. Всегда. Иногда Андрей ненавидел эту его покладистость, ненавидел, когда Кирилл соглашался с ним, не споря. Сейчас он был благодарен. Они ушли быстро, почти бегом, не оглядываясь. Андрей чувствовал, как между лопаток скребёт холод — тот самый, не от ветра, а от чего-то другого. От взгляда, который, возможно, следил за ними из-за лесов. Они выбежали на поляну перед храмом, тяжело дыша. Ма-

ленькая деревянная церковь, покосившаяся, но родная, стояла на пригорке. Старая колокольня, купол с облупившейся краской, сад с яблонями, которые не плодоносили уже пять лет. Это был их дом. Андрей замер, обернулся. Лес за спиной казался спокойным. Птицы пели. Ветер шуршал листьями. Но где-то там, глубоко, в темноте, он слышал — или ему казалось? — тяжёлый, глухой стук. Как будто что-то огромное билось о землю. — Андрей, — сказал Кирилл. Его голос был странно спокоен. — Нам надо поговорить. Прямо сейчас. — О чем? Кирилл посмотрел на него. В его глазах больше не было страха. Только странная, спокойная уверенность, которая Андрея всегда пугала больше, чем крики или истерики. — О том, кто мы такие, — сказал Кирилл. — Я видел сон. Прошлой ночью. Огромный город в облаках, золотые ворота и трое, кто стоял у этих ворот и смотрел вниз, на нас. Один из них был похож на тебя. Точно похож. Андрей хотел рассмеяться. Но не смог. Потому что он тоже видел этот сон — каждую ночь последнюю неделю. И золотые ворота в нём были открыты. Они не стали говорить матушке Вере про экскаватор и странный запах. Она и так ходила последние дни какая-то встревоженная — то крестилась слишком часто, то подолгу стояла у окна, глядя в сторону леса, и губы её беззвучно шевелились. Андрей подозревал, что она молилась. Но не за них. За что-то другое. Кирилл ушёл в свою комнату — чулан, где едва помещалась кровать и старый дубовый шкаф, — и закрылся там до вечера. Андрей слышал, как он

шуршит бумагами, что-то перекладывает, иногда вздыхает. Брат не любил говорить о своих снах. Раньше он просто рассказывал, а теперь замкнулся. Андрей даже немного обиделся, но виду не подавал. Вместо этого он взял старую куртку и вышел через заднюю калитку. До пятиэтажек было пятнадцать минут быстрым шагом через поле и железнодорожные пути. Андрей перепрыгнул через рельсы, чуть не споткнувшись о шпалу, и зашагал к знакомому двору. Там, за девятым подъездом, у самого забора, стоял ржавый металлический гараж — бывшая мастерская дяди Лёхи-старшего, которую тот бросил ещё в девяностых, когда уехал в другой город. Теперь гаражом владел младший Лёха — тот самый баклан, из историй Андрея. В гараже горел свет — тусклая лампочка без плафона, подвешенная на проводе к потолку. Андрей толкнул тяжёлую створку, и та с протяжным металлическим скрипом поддалась. — О, бродяга объявился! — Лёха сидел на старом диване, который они нашли на помойке и перетащили сюда втроём. Ноги его свешивались с подлокотника, в руках — банка дешёвого пива. — Мы уже думали, ты сгинул в своём лесном царстве, леший. — Не сгинул, — Андрей плюхнулся на ящик из-под овощей, стоящий в центре гаража. — Там такое дело, пацаны... Я вам сейчас расскажу. — Подожди, — раздался голос из угла. Там, за стеллажом с запчастями, сидел Владик. Он был в неизменной чёрной полосатой куртке, сдвинутой набок шапке и с вечно серьёзным лицом. Владик не курил, не пил и вообще вёл себя

так, будто на самом деле он взрослый дядька, который случайно застрял в теле семнадцатилетнего парня. Он собирал что-то мелкое из деталей — то ли радио, то ли глушилку для телефонов. Никто не понимал, зачем ему это, но Владик был в гараже чем-то вроде хранителя порядка.— Дай нормально сесть сначала, — буркнул Владик, не поднимая головы. — И не начинай с порога. А то ты всегда начинаешь с порога, а потом выясняется, что там всего-то собака пробежала, словно это событие дня.— Да не собака, — Андрей махнул рукой. — Слушайте.— Братан, дай человеку дыхнуть, — вступился Лёха. Он сполз с дивана, нашарил под сиденьем банку колы, початую, и швырнул Андрею. — На, только у нас тут теперь трезвый режим, мы теперь ЗОЖники.—замечательно. Подумал Андрей, зная что пиво просто кончилось.Дверь гаража снова скрипнула, и внутрь протиснулся Руслан. Душа компании — так его называли все, кто его знал. Вечно улыбочивый, даже когда злился. В руках он держал целлофановый пакет с семечками и пару бутылок лимонада.— Я слышал, кто-то тут байки рассказывать будет)) — Руслан швырнул пакет на пол и уселся на пол, прямо на бетон, скрестив ноги. — Давай, Андрюх, выкладывай. Только без пафоса, ладно, а то ты любишь преувеличивать.— да неправда ёмаё ! Короче слушайте — сказал Андрей.Все замолчали. Даже Владик поднял голову от своих деталей.Андрей выдохнул и начал рассказывать. Про звук в лесу, про запах жжёной резины и сладкого пластика, про экскаватор, про табличку с надписью

«Парк развлечений ШАТЁР». Он не упомянул про сны — это было слишком личное, да и пацаны бы не поняли, сказали бы что-то вроде, — ты че ёпт, с дуба рухнул?. Когда он закончил, в гараже повисла тишина. Слышно было только, как капает вода где-то с трубы — кап... кап... кап... — Ну и чё? — первым нарушил молчание Лёха. — Парк так парк. Мало ли, кто-то решил бабла срубить. Туристы всякие, наверное... Лес, природа, аттракционы. Я б тоже построил. — Идиот, — буркнул Владик. — Кто будет строить парк в лесу, где дороги нет? Где даже электричества нет? Ты видел там что-нибудь похожее на инфраструктуру? — Ну, там грузовики... — начал Андрей. — Грузовики — это ещё не парк, — перебил Руслан. Он хрустел семечками, и в тишине гаража этот звук звучал почти оглушающе. — Слушай, я, конечно, не эксперт, но я знаю одно: если что-то выглядит как стройка, пахнет как стройка, но при этом строителей нет, то это не стройка. Это прикрытие. — Для чего? — спросил Лёха, и его голос стих. Руслан пожал плечами. Он больше не улыбался. — Для всего. Для наркоты, для оружия, для чёрных дел. Мой папаша в своё время работал на одной такой стройке. Говорил, что там не бетон мешали, а людей прятали. Контрабанда. Ты чего, не знаешь, что у нас в районе творится? — Мне матушка Вера рассказывала, — вдруг сказал Андрей и сам удивился своему голосу. — Она говорила, что раньше тут было что-то святое. Что лес этот охраняли. И что если его тронуть, то случится беда. — Какая беда? — Лёха засме-

ялся, но смех был натянутым. — Люди пропадать начнут, — прошептал Андрей. Снова тишина. Теперь капли с трубы звучали громче, будто кто-то специально ускорил время. — Ладно, хватит, — Руслан поднялся, отряхивая джинсы. — Я завтра на работу, мне спать надо. Но я вам вот что скажу, пацаны. Если это правда — если там что-то странное — мы это проверим. Вместе. Я не хочу, чтобы кто-то из наших пропал, поняли? — Поняли, — кивнул Владик. И все остальные тоже кивнули. Андрей почувствовал, как холод, скребущийся между лопаток, стал чуть теплее. С ними он чувствовал себя сильнее. Не таким одиноким. Они посидели ещё полчаса: Лёха рассказывал, как он вчера чуть не подрался с неформами во дворе, Владик вставил пару технических замечаний про то, что «нефоры нынче хитрые, по ночам ошииваются», а Руслан просто слушал, иногда чолпая семечки. Когда разговор ушёл в сторону хоккея, Андрей вдруг вспомнил: — Кстати, Макс сегодня не было? Она обычно приходит. — А, — Русик махнул рукой. — Макс опять с этим утырком Стасом. Они в подъезде сидят, Стас ему на гитаре бренчит. Или на скрипке? Я хер знает, чё он там бренчит. Макс говорит, что это «душевно». А по-моему, просто соседям нервы матает. — Он не утырок, — вдруг сказал Владик. Все уставились на него. — Что? Он нормальный парень. Просто странный. И у него отец — тот ещё тип. Я слышал от бабушки, что Ларри раньше в каких-то тёмных делах участвовал. — В каких делах? — оживился Лёха. — Не знаю. Но слушок был такой, в

общем неважно, нам это знать точно ненужно. — Так что там с Макс? Они типо теперь только вдвоем по району шатаются что-ли? Спросил Лёха. Андрей отошел и задумался. Он мало знал Макс — видел её пару раз во дворе. Высокая девушка с длинными белыми волосами, всегда в чём-то чёрном, с голубыми глазами. Странная, иногда все думали, что она парень, депрессивный ошивающийся на заброшках, парень. Но Андрей помнил, как однажды Макс сидела на лавочке у подъезда и смотрел на небо. Смотрела так долго, что Андрей сам остановился и тоже посмотрел. В небе ничего не было — только серые тучи и редкие птицы. Но в тот момент ему показалось, что Макс видит что-то другое, или может ей было грустно? — Ладно, я пошёл, — сказал Андрей, вставая. — Кирилл там один, не охота оставлять его. — А он чего? — спросил Руслан. — Да он... он последнее время какой-то странный. Спит плохо. Говорит, что видит странные сны, в общем бред всякий. Он не знал, зачем сказал это. Может быть, от усталости. Может быть, потому что внутри горела эта странная искра, которая требовала сказать правду. Но когда он обернулся, все трое смотрели на него в упор. — А что за сны то, может это что-то важное? — спросил Владик. — Ну не знаю, важно это или нет, но я вижу те же сны, что и он. Ему было стыдно это признавать. Он был готов к тому, что сейчас его, возможно, засмеют. Владик медленно встал, подошёл к Андрею и взял его за плечо. Андрей почувствовал, как его пальцы — тонкие, сильные — сжали куртку. —

Говори, брат. Андрей все ему рассказал, про странный мир, что они видели во сне, мир непохожий на их, он был больше светлее и находится будто в облаках. После его рассказа в воздухе повисла короткая тишина. — Мой дед, — сказал Владик, и слова давались ему с трудом, — он тоже видел такие сны. Перед тем как пропасть. Без следа. Исчез просто. Мы искали его, милиция искала, никто не нашёл. А он говорил, что видел не земные города и что его зовут. Что ему надо идти. И ушёл. И не вернулся. Тишина в гараже стала плотной, как вода. Андрей слышал, как бьётся его сердце. И оно стучало в такт с каплями — кап... кап... кап... — Это не просто сны, — сказал Владик. — Это что-то другое. И если ты их видишь... Он не договорил. — Что? — прошептал Андрей. — То, может быть, тебе тоже стоит уйти, — закончил за него Руслан, и его улыбка была грустной, почти извиняющейся. — Пока не поздно. Андрей вышел из гаража, не оглядываясь. В лицо ударил холодный ветер, но внутри было холодно — от той странной тревоги, которая уже не казалась ему просто тревогой. Она стала частью его. Он шёл через поле к храму, и над головой уже загорались первые звёзды. Одна из них мигнула. Два раза. Как будто подавала знак. Андрей поднял голову и остановился. Золотой. Свет на мгновение залил всё поле, а потом погас. Андрей прищурился. В небе ничего не было. Только звёзды. Но он знал — он чувствовал — что за ним кто-то наблюдает.

Перехват

Четыре дня спустя Матушка Вера ушла в город утром во вторник. Она оставила на столе записку, придавленную старой кружкой с отбитым краем: "Детки, я к вечеру. Пирожки в печи. Не балуйтесь. Целую, ваша матушка". Кирилл прочитал записку три раза. Перевернул. На обратной стороне ничего не было. Тогда он сунул бумажку в карман своей потёртой джинсовой куртки и вышел во двор. Андрей сидел на крыльце, жевал яблоко и смотрел в сторону леса. За последние дни он перестал смотреть в другую сторону. Лес манил его — не как что-то страшное, а как место, где происходит что-то важное. Что-то, что он должен был увидеть. — Она не написала, когда вернётся, — сказал Кирилл, садясь рядом. — Вернётся к вечеру, — пожал плечами Андрей. — Она всегда так пишет. "К вечеру" — это до заката. Мы знаем. — Она никогда не писала записок раньше, — возразил Кирилл. — Раньше она просто говорила. Вставала в пять, будила нас, говорила: "Я ухожу в город, будьте послушными". А теперь — записка. И она ушла в шесть утра. Я слышал, как закрылась дверь. Андрей откусил ещё кусок яблока и прожевал его медленно, обдумывая. Он не любил, когда Кирилл был таким — цепким, дотошным, собирающим факты как грибы. Это раздражало. Но в глубине души Андрей знал: брат прав. Матушка Вера последнее время бы-

ла другой. Она крестилась чаще, смотрела на иконы дольше обычного. И однажды ночью Андрей проснулся от того, что она плакала. Тихо, почти беззвучно — только сдавленные всхлипы из-за тонкой стены, где была её келья. — Может, она просто устала, — сказал Андрей, чтобы что-то сказать. — Мы же ей не помогаем. Совсем. Вечно в гараже, вечно у пацанов. Могли бы хоть дров наколоть. — Мы накололи в прошлую субботу, — напомнил Кирилл. — Ну, тогда в позапрошлую. Не суть. Они сидели молча, глядя на лесную кромку. Утро было серым, небо затянуто низкими облаками, и воздух пах сыростью — к дождю. — Андрей, — Кирилл повернулся к нему. — Ты ведь тоже видишь сны? Про какой-то мир, не похожий на наш? Андрей замер. Он не хотел говорить об этом. Во рту стало сухо. — С чего ты взял? — Ты говоришь во сне. — Кирилл смотрел прямо на него, не моргая. Карие глаза с золотистой искрой были холодными и внимательными. — Я не помню, — соврал Андрей. — Ты помнишь, — безжалостно отрезал Кирилл. — Ты всегда всё помнишь. Просто не хочешь говорить. Андрей стиснул зубы. Внутри поднималась злость — не на брата, нет. На себя. На то, что Кирилл снова оказался прав. На то, что сны эти были слишком реальными, слишком яркими. Огромный город из белого камня, парящий в облаках. Улицы, вымощенные золотом. И трое фигур у ворот — высокие, светящиеся, с лицами, которые он не мог разглядеть, но почему-то знал, что они улыбаются. Зовут. Протягивают руки. И ещё один —

один стоял в стороне, в тени, и его глаза горели красным. — Я не хочу говорить об этом, — сказал Андрей, вставая. — Пойдём лучше в город. Надо купить хлеба. Настоящего. Не пирожками же питаться. Кирилл вздохнул, но поднялся следом. Он знал брата — если Андрей упёрся, его не переубедить. Можно было только ждать. Когда-нибудь он сам заговорит. Они прошли через поле, миновали железнодорожные пути и вышли к пятиэтажкам. Двор был пустым — только бабки на лавочках у подъезда, да пара голубей, которые ворковали у мусорных баков. Андрей кивнул одной из бабок, тётке Вале, которая вечно называла его "сыночком" и пыталась угостить конфетами. Та улыбнулась беззубой улыбкой и помахала рукой. — Хорошие мальчики, — прошамкала она. — Ой, хорошие. А где матушка ваша? Что-то я её давно не видела. — Ушла в город, — ответил Андрей, не останавливаясь. — В город, говоришь? — тётя Валя покачала головой. — А я слышала, что сегодня в лесной полосе какие-то люди ходили. Чужие. В чёрных машинах. И спрашивали про храм ваш. Андрей остановился как вкопанный. Кирилл тоже замер. — Какие люди? — спросил он, обернувшись. — А кто ж их знает, — тётя Валя пожала плечами. — Мужчина в костюме. И с ним ещё двое, такие серьёзные, в очках. Они на нашей улице у Володи-сантехника спрашивали, а потом к вашей церкви пошли. Я думала, вы знаете. Андрей и Кирилл переглянулись. — Мы никого не видели, — сказал Кирилл, и голос его прозвучал глухо. — Ну, может, ещё не дошли,

— философски заметила тётя Валя. — Или ушли уже. Вы бы пошли, что ли, проверили. А то мало ли, вдруг у вас там окна разбили? Шпана нынче хулиганит. Они побежали. Не сговариваясь, просто сорвались с места и рванули через поле, не разбирая дороги. Андрей споткнулся о кочку, едва не упал, но Кирилл подхватил его за локоть и потащил дальше. Сердце колотилось где-то в горле, а в голове стучало: чёрные машины, чужие люди, храм. Они выскочили на поляну перед церковью и остановились. Всё было тихо. Дверь храма была приоткрыта — так, как матушка Вера оставляла её всегда, чтобы сквозняк не хлопал. Никаких машин, никаких чужих людей. Только ветер шевелил траву и старый клён ронял жёлтые листья, хотя до осени было ещё далеко. — Никого, — выдохнул Андрей, сгибаясь пополам, чтобы отдышаться. — Чёрт, а я уже испугался. — Не говори "чёрт", — автоматически сказал Кирилл, но сам тоже перевёл дух. — Может, она просто перепутала. Тётя Валя старая, у неё всё всегда путается. — Может быть. Они вошли в храм. Внутри было сумрачно, пахло ладаном и сыростью. Свечи у икон догорали, их свет мерцал на золотых окладах. Андрей остановился у входа и посмотрел на икону Михаила Архангела — большую, старую, с тёмным от времени ликом. Ему всегда казалось, что архангел смотрит на него строго, осуждающе. Сейчас взгляд казался растерянным. Кирилл прошёл в алтарь и замер. — Андрей, иди сюда. Андрей подошёл. На полу, у самого алтаря, лежал конверт. Белый, плотный, с оттиском на обрат-

ной стороне — круг, разделённый на четыре части, и в каждой части что-то вроде буквы "В". Андрей взял его. Конверт был тяжёлым, внутри явно лежали бумаги. — Откуда это? — спросил Кирилл. — Не знаю. — Андрей вскрыл конверт и вытащил бумаги. Это были какие-то документы: напечатанные, с печатями и подписями. Сверху крупным шрифтом стояло: «Постановление об освобождении земельного участка». Он пробежал глазами текст. "В связи с переходом права собственности на земельный участок в лесной полосе... освободить территорию... строение церкви Святого Михаила подлежит сносу..." — Что это значит? — спросил он вслух, хотя уже понял. Внутри всё похолодело. Кирилл выхватил бумаги из его рук и прочитал сам. Лицо его побелело. — Они хотят снести храм, — сказал он. — Здесь будет парк. Тот самый парк. — Но как? — Андрей схватился за голову. — Как они могут снести храм? Это же святое место! Кто дал им право? — Там написано, — Кирилл ткнул пальцем в строчку внизу. — "Решение городской администрации 47-Б от 15 августа". И подпись. Андрей вчитался в подпись. Она была неразборчивой, но внизу стояло название организации: "BAYER INVESTMENT GROUP". — Байер, — прочитал он вслух. — Что это за хрень? Кирилл покачал головой. Он не знал. Но у него было такое чувство, будто он уже видел это имя. На табличках. На каких-то вывесках в городе. "BAYER — медицинские технологии". "BAYER — строительство". "BAYER — лучшее будущее". Оно было везде, как реклама,

как назойливая музыка из радио, на которое не обращаешь внимания, пока не услышишь её в голове утром. — Это какой-то большой бизнес, — сказал Кирилл. — Очень большой. И они купили нашу землю. — Но матушка Вера! — Андрей схватил брата за плечи. — Она же не знает! Она ушла в город, а они... — Они подложили это сюда. Пока нас не было. Или пока мы спали. — Кирилл говорил спокойно, но в его голосе слышалась паника. — Они знали, что мы уйдём. Они ждали, когда мы оставим храм. — Кто — они? Кирилл посмотрел на брата. Его глаза вдруг потемнели, золотистая искра зажглась ярче, и Андрей увидел там что-то новое. Не страх. Ярость. — Те, кто строит парк в лесу, — сказал Кирилл. — Те, кто свозит сюда грузовики и технику, пока мы спим. Те, кого мы не видим, но кто видит нас. Он сжал бумаги, и они хрустнули в его пальцах. — Нам надо что-то делать, Андрей. Мы не можем просто сидеть и ждать, пока они снесут наш дом. — А что мы можем? — спросил Андрей. — Мы — никто. Мы дети. Нас даже в армию не берут. У нас нет денег, нет связей. Нам некуда идти. — Есть одно место, — сказал Кирилл. — Где нас примут. — Куда? — К Стасу. У него есть комната. Небольшая, но мы поместимся. И у него есть интернет — мы сможем найти информацию про этого долбаного Байера. Андрей выдохнул. Он не любил просить помощи — особенно у Стаса, который ему не нравился. Слишком странный, слишком чёрный, слишком вампирский, что ли. Но выбора не было. — Ладно, — сказал он.

— Погнали. Они собрали свои вещи за час. Всё, что можно было унести — старый рюкзак Кирилла, в котором лежала пара книг и поношенная одежда; наволочка с иконами, которые матушка Вера велела никогда не бросать; запас продуктов, оставленный в печи. Андрей взял с собой старый компас — странный, с дрожащей стрелкой, которая всегда показывала не на север, а на лес. Он не знал, зачем он ему, но чувствовал: нужно. Когда они вышли из храма в последний раз, дверь за ними закрылась с тихим стуком. Андрей обернулся. Маленькая деревянная церковь стояла на пригорке, и солнце, пробившееся сквозь облака, осветило её купол золотом. На мгновение Андрею показалось, что он видит рядом с церковью тень — высокую фигуру в белом, с тёмным лицом. Он моргнул, и тень исчезла. — Пойдём, — сказал Кирилл, дёргая его за рукав. — Надо успеть до темноты. Они пошли через поле. В кармане Андрея лежали бумаги с кругом "В" внутри, и он почему-то сунул туда же свой старый компас. Стрелка дрогнула, когда он переступал железнодорожные пути. Указала на лес. И замерла. Андрей не посмотрел на неё. Он не хотел знать, что показывает компас. Пока не хотел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.